СОРОКА

ЕКАТЕРИНА БАРБАНЯГА
Родилась в 1990 году в Одессе, живет в Санкт-Петербурге. Поэт, прозаик, журналист, педагог. Работала на радиостанции «Град Петров», возглавляла пресс-службу Фонда «Живая классика». Публиковалась в журналах «Невский альманах», «Подъем», «Сибирские огни». Лауреат премий «Зеленый листон», «Новые писатели», «Молодой Петербург». Автор и руководитель социального проекта для одаренных подростков «Талант: Литература» и организатор детского конкурса «Читаем Блока» в Санкт-Петербурге.

Кто знал мою девочку, не смог бы поверить, что она перестала улыбаться. Первые десять минут она даже не узнавала меня. Василиса, василек мой, крошечка моя, что же с тобой случилось? Часто, болезненно дыша, она опрокидывала голову и пыталась сосредоточить взгляд на том, что маячило перед глазами, – моем носе, рукаве, желтой мягкой игрушке, которую я привезла ей в подарок. Не получалось. Василиса маленькими пальцами сжимала одеяло и обессиленно падала в подушку.

Все случилось в праздничный день, в день ее рождения. Шары под потолком и мама рядом. С днем рождения тебя, милая!

Шесть лет назад Василиса ворвалась в этот мир запоздало, но стремительно, на 42-й неделе. Совсем не там, где я бы хотела встретиться с ней, не в то время, не так. В пустой палате ближайшего роддома в первом часу ночи. Своенравная девочка – сразу выиграла спор, что родится в день святой Василиссы. Врачи подоспели на последних минутах, приняли крупное красное тельце, полнокровное и здоровое, весом под четыре кило. Мою дочь. Рожденное мной, но в ту минуту еще чуждое мне существо. «Чья это толстая девочка?» – шептались медсестры.

Кому сейчас пришло бы в голову так сказать о Василисе? Прошлым летом мы едва натягивали джинсы на ее полноватую попу, а сейчас я отвожу взгляд от выпирающих на плечах косточек. Скелетик с большими безумными глазами. Дети блокадного Ленинграда выглядели так. Как такое могло произойти с моей крошкой? Последнюю неделю она почти ничего не ела, много пила, чаще молчала и как-то резко, неестественно, теряла вес.

Кажется, я так давно не видела ее… Два месяца назад мы обнялись перед большой разлукой. Мне приходилось увиливать и врать, саму себя убеждая, что жить порознь будет легко. Отшучиваться самой себе, что сумею скопить на психолога, открою специальный счет, и так мы со всем справимся. Никакой катастрофы, новый этап. Будто в наш автомобиль врезалась большая фура – а мы остались живы, только осколки стекол на одежде. Ничего, отряхнемся и будем жить. Я буду рядом, детка, звони мне – я всегда отвечу, а бабушка позаботится о тебе.

На фотографиях и видео – моя Василиса, а я будто на луне и не могу оценить ни веса, ни роста, ни телосложения. Не могу оценить – радостно ей или грустно, любит она меня или ненавидит, умеет ли она уже читать. Я покупаю большого плюшевого крокодила – я знаю, что Василиса улыбнется ему. Мне радостно от этого. Чужой дядя приносит моей девочке подарок, и слабая улыбка на фото, и плюшевый зверь рядом – больше

в размерах, полновеснее, чем я ожидала. Что-то не так, но я скоро приеду, я все решу. Худеет? Наверное, растет. Слабеет? Наверное, устала.

Каждый срывает свой лепесток: я виновата, я виноват, мы виноваты. Сирена неотложки – слишком близко, резко, как если бы звучала внутри меня. Я держу мою девочку на прыгающих на каждом лежачем полицейском, на каждом резком повороте коленках, стараюсь прижать к тем местам, которые меньше дергаются, держать за те, на которых не останутся синяки. Держись, пожалуйста! Как я соскучилась по тебе! Не теряй сознание… Не умирай… Держится, кивает. Маленький комок взрослости и покоя. Тонкие прутики, болтающиеся у моих ног. Резвая моя, шебутная, кто тебя сделал такой?

Это только мой лепесток. Конечно, только я виновата. Пришло время нашей очной ставки с моей виной. Была бы рядом – случилось бы это с ней?

Те, кто повежливей, – не говорят вслух, но точно знают, как это называется. В народе, в обществе. Для чего рожала – чтобы бросить? Кукушка. Наверное, я буду жить вечно – так много, часто бьет по вискам это слово. Я была первой, кто бросил камень, – я попала в себя. Можно ли было оставить эту девочку, маленькую, слабую, хрупкую, зависимую в своем сложном характере, с первых же секунд жизни, от такой же, как она, – от меня?

Я тормошу ее ручки, опалые щеки – посмотри на меня, доченька! Врачи знают, что она придет в себя, что посмотрит на меня, но все это – только начало. Шестой день рождения, разделивший жизнь на до и после. Я уже знаю, что это – кома, что причина – диабет. Фура все-таки задела нас, непоправимое случилось, но могу ли я все склеить, чтобы было как прежде? У меня – обратный билет, в разделенное разлукой пространство, у меня – билет в прошлую жизнь, за 24 часа до этой минуты. Я не знаю, как изменить свою жизнь.

Василиса открывает глаза, водит взгляд по палате – по трубкам, капельницам, окну, экранам с мигающими данными. Я держу ее за руку. Она сжимает мою. Ты меня еще любишь? Чей это вопрос? Кто из нас боится больше? Я – потому что виновата перед ней.

«Пожалуйста, скажи: ты еще помнишь меня, еще любишь меня?» – дергаю слабые плечи. Она хмурит лоб, плачет – я пугаю ее. Она маленькая, она больна. Трогаю легкую ладонь – вожу пальцами между косточками, поверх тонких кожных разводов и линий, как младенцу. Другая птица – другая мать. Которая варит на каждого, каждому ставит на стол. Если бы я могла так… Как сорока из детской присказки.

Василиса любит эту игру – ее никогда не устраивало, что кто-то останется без обеда. Ее ладонь наливается силой, большой палец ныряет внутрь кулака. Словно слабый-слабый ток проходит по нашим соединенным рукам. Я не вижу, но слышу – время идет дальше. Я не вижу, но чувствую – моя девочка снова улыбается.